

Светлана Санбаева

САТИМЖАН: КНИГИ И ЖИЗНЬ

Сатимжан Санбаев – писатель, переводчик, киноактер, киносценарист, публицист, общественный деятель. Человек с трудной и в то же время счастливой судьбой. Последние годы жизни о Сатимжане Санбаеве мало писали, как, впрочем, и о многих других писателях, его не очень жаловали издательства, в книжных магазинах не было в продаже его книг. Но, как пишет Д. Накипов, «в год своего юбилея Сатимжан воспринимается, словно Белый Нар, гордый и вольный, всегда готовый защитить священное поле нашей духовности и культуры».

Этой осенью ему исполнилось бы 80 лет. С самого начала года мне стали говорить, что пора бы уже написать о Сатимжане воспоминания, как он работал, как возникали сюжеты его произведений, которые он воплощал в жизнь, с кем общался, как начиналась его работа в кино... Решающее слово сказала наша дочь Алуа, которая и стала размещать мои записи на «Фейсбуке», сопровождая их фото из семейного архива.

Эти записи я делала для тех, кто читал произведения Сатимжана Санбаева и помнит о нем, для тех, кто, возможно, не читал, но будет читать и не забудет его. Теперь эти записи взялся опубликовать журнал «Простор», в котором на протяжении десятилетий впервые появлялись многие повести Сатимжана, его переводы... А его «Белая аруана» уже шагнула в вечность.

* * *

«Проголодавшиеся овцы бежали по обычному пути, и Махамбет, мальчик лет четырнадцати, одетый в великоватую шубу, еле поспевал за ними. Взобравшись на небольшой каменистый бугорок, мальчик оглянулся назад и заулыбался: в белом безмолвном просторе далеко за отарой тянулся светящийся шлейф из серебряной пыли. Махамбет поправил за спиной котомку и, осторожно обходя наносы, стал пробираться между овцами...»

Пританцовывая от холода, до рези в глазах он вглядывался в степь, пытаясь увидеть табуны, которые сегодня должны были пригнать в аул. Ему становилось хорошо от мысли, что скоро он увидит отца...»

Как-то так я представляла себе Сатимжана – мальчиком с ранцем за спиной, после школы пригоняющим овец домой, как это описано в его прозе. Еще была картина Салехитдина (Калжана) Айтбаева «Мальчик с верблюжонком», о которой Сатимжан говорил: «Это я!» И это тоже могло быть правдой.

Сатимжан Санбаев родился в поселке Макат Гурьевской области. Он был из многодетной семьи. Старшая сестра Алиса, позже вышедшая замуж в Гурьев, второй – Сатимжан, после него через каждые три года рождался ребенок. Несчастный случай унес из жизни одну из младших сестер, осталось семеро детей. Коке (папа Сатимжана) был учителем казахского языка, Акмама (мама Сатимжана) воспитывала детей в строгости, хотя иначе, наверное, было нельзя. Она научила их трудиться в полную силу, доводить начатое до конца.

Сатимжан начинал учиться в казахской школе, но потом отец, Хамза Санбаев, 20 лет проработавший учителем казахского языка и литературы и еще 20 лет директором этой же школы, заслуженный учитель Казахстана, перевел сына в русскую школу. Ему часто приходилось ездить на разные конференции и совещания, на которых он с трудом понимал смысл докладов на русском языке, видимо, это и было причиной такого поступка. В 1956 году Сатимжан окончил школу с серебряной медалью и поступил в Оренбургский сельскохозяйственный институт. Все пять лет учебы он выступал за институт в соревнованиях по вольной и классической борьбе, получал грамоты и награды, был на шаг от звания мастера спорта.

* * *

После окончания Оренбургского СХИ с дипломом инженера сельскохозяйственных машин Сатимжана направили в совхоз в Гурьевскую область главным инженером МТС. Через полгода случилось непредвиденное. Болезнь оторвала его на годы от полноценной жизни. Воспоминания о тех почти шести годах преследовали его всю жизнь. У него был блокнот с адресами послеоперационных больных, с кем он лежал в разных лечебницах. Почерк в молодости был каллиграфический, адреса знакомых разбросаны по всей карте Союза... Время от времени он вычеркивал какие-то имена и фамилии. В такие вечера лучше было оставить его одного, пока он сам не захочет о ком-то рассказать. Как-то он сказал: «Если что, второй раз я этого не выдержу». Тубинститут, Каменское плато, Крым, Симеиз... В санатории Симеиза ему сделали операцию: резекция левого лёгкого, то есть удалили сегмент легкого. После операции анализы показали – заражено и правое легкое. Снова операция? Сатимжан бросил лечение и уехал в Макат к родителям. Родной воздух, степь, шубат, посильная работа по хозяйству и... тюльпаны... Все это помогло восстановить силы. По рассказам Сатимжана (все, что пишется о «раннем» Сатимжане – с его слов), в поселковой библиотеке было много хороших книг, оставленных ссыльными из Петербурга и Москвы, которые он читал запоем ещё со школьных лет.

И он начал писать.

Я однажды спросила: «Если бы ты не заболел, как сложилась бы твоя жизнь?» – «Может, стал бы директором совхоза или даже секретарем райкома, кто его знает?» Я поняла, что и мысли такой у него не было. Такая перспектива его не устраивала.

Что называется, не было бы счастья...

* * *

Лето 1967 года. Я работала на киностудии «Казахфильм» сначала помрежем, потом ассистентом режиссера, и в этом качестве попала в киногруппу фильма «Интернациональный отряд» (рабочее название), который снимался по сценарию Калихана Исакова. Пробы на роль Алиби Джангильдина (главный герой) шли

трудно. Актер то молодой, то старый, то высокий, то низкий. Подготовительный период поджимал, наконец, утвердили начинающего актера Нуржумана Ихтымбаева. Группа отъехала на место съемок в Шевченко (ныне Актау). На берегу Каспия постановщики строили палаточный городок, подъезжали декораторы, костюмеры. По городу были расклеены объявления: приглашались мужчины от 18 до 50 лет на съемки художественного фильма. Я сидела в здании школы и записывала желающих принять участие в съемках. Сначала они шли непрерывно, потом поток иссяк.

Вскоре приехали второй режиссер и ассистент и привезли новость, которая всколыхнула группу. На роль Алиби Джангильдина назначен молодой человек, ранее не имевший отношения к кино – по словам ассистента, вылитый Тосиро Мифуне. Это и был Сатимжан Санбаев. Но поскольку недавно он перенес тяжелую операцию, за его здоровьем необходимо было следить. По сценарию караван должен был вести оружие, боеприпасы и продовольствие на Торгайский (Уральский) фронт. Вел караван Чрезвычайный военный комиссар Степного края Алиби Джангильдин. Вокруг продвижения этого каравана и строился сюжет. Караван – 300 лошадей, 200 верблюдов – растянулся километра на два. Я на старом черном ЗИМе, кроме всех прочих обязанностей, возила трехлитровый термос с шубатом для Сатимжана. Делалось все, чтобы актер был работоспособен.

Однажды все же съемка сорвалась. Для большей достоверности (караван ведь идет по пустыне) участников съемок поставили под ветродуи и развеяли на них мешок муки. Смотрелось забавно: лица и одежду бойцов залепило мукой, видны были одни глаза. Но организм Сатимжана не выдержал такого испытания. С высокой температурой его отправили в санаторий... Фильм «Дорога в тысячу верст» не шедевр, Сатимжан был не очень доволен своей игрой, однако начало актерской деятельности было положено.

* * *

Жизнь предоставила Сатимжану шанс, и он не упустил его. Хватило смелости окунуться в новую сферу, незнакомую, но притягательную своей новизной. Этой стезей он шел до последних дней.

Съемки продолжились в Алма-Ате на станции Илийск, которая вскоре оказалась на дне Капчагайского моря. С легкой руки Сатимжана в съемках были задействованы знакомые ему ребята из санатория «Каменское плато» и студенты Казполитеха, где учился младший брат Сатимжана Хамит Санбаев. В этом же 1967 году студенты политеха, участники стройотряда в Баянауле, создали ансамбль «Дос-Мукасан»: ДОСым Сулеев, МУрат Кусайнов, КАмит Санбаев, САНЯ Литвинов. Будущий «Дос-Мукасан» почти полностью (в основном те, кто мог держаться в седле) участвовал в съемках.

В Алма-Ате Сатимжана ждала еще одна удача – положительная рецензия на рукопись, которую он отослал в московское издательство «Советский писатель». Ему предлагалось увеличить рукопись и учесть все замечания рецензентов. По приезду с Или он сразу же сел за работу. Еще шли какие-то досъемки – возможно, павильонные, не вспомню, – он освободился от кино только к Новому году. За несколько дней января 1968 года была закончена основная сюжетная линия впоследствии прославившей его повести «Белая аруана», чем до сих пор хвалятся мои младшие братья. Сюжет, вероятно, давно уже созрел в его голове, осталось только переложить на бумагу, что и произошло.

* * *

На последние выплаты за фильм Сатимжан решил поехать в Москву. Ему хотелось посмотреть, как идет озвучание фильма: с дикцией у него было не очень, и его озвучивал в то время довольно-таки известный актер Владимир Гусев («Человек родился», «Москва слезам не верит» – генерал в химчистке). Мы побывали в Союзе писателей, в издательстве «Советский писатель». Во время разговора Сатимжана с редактором подошли Жубан Молдагалиев и Ильяс Есенберлин, бывший в то время директором издательства «Жазушы». Для меня так и осталось тайной, было ли это случайностью или редактор намеренно устроила эту встречу. «Вы говорите – нет молодых талантов. Вот вам, пожалуйста, – Сатимжан Санбаев, молодой начинающий писатель. Мы будем его печатать, но вы можете это сделать гораздо быстрее», – сказала редактор. «Подъезжай через месяц в Алма-Ату, будешь работать редактором в издательстве, а через год получишь на руки первую книгу», – подвел итог разговора Есенберлин.

Когда закончились съемки, у Сатимжана не было другого выбора, кроме как вернуться в Макат к родителям. Работать по специальности ему не позволяло здоровье. Дальше была неизвестность. Но предложение Есенберлина открыло перед ним перспективу и дальше заниматься литературой. Думаю, даже в самых смелых мечтах Сатимжану такое не представлялось, а мне и подавно. Из Москвы он направился к себе домой, чтобы продолжить работу над рукописью. И с 1 июня 1968 года приступил к работе редактора в издательстве «Жазушы».

Вскоре на экраны кинотеатров вышел фильм «Дорога в тысячу верст», в 1972 году прошла премьера фильма «Необычный день», где Сатимжан сыграл роль начальника космостанции Курманова. В этом же году в кинотеатрах появились наряду с фотографиями известных киноартистов фото «Сатимжан Санбаев, киноартист», а в газетных киосках продавались открытки с той же надписью.

* * *

В Москве, когда мы ехали в троллейбусе в общежитие Московского литературного института, где остановился Сатимжан, ошеломленные неожиданно свалившимся предложением Есенберлина, Сатимжан сказал: «Теперь я могу поговорить с твоими родителями о нас. Я не мог ничего тебе предложить, если только не поехать со мной в Макат на колодцы (что означало заниматься хозяйством, пасти скот), но теперь – другое дело».

Наверное, надо рассказать еще об одной ситуации. Когда Сатимжан получил из издательства «Советский писатель» свою рукопись с рецензиями и попросил меня почитать и сказать свое мнение, я на первой же странице обнаружила грамматические ошибки, довольно-таки смешные. Тогда Сатимжан дал мне карандаш и право исправлять все, что мне покажется неправильным...

В конце лета мы поженились. А в декабре в журнале «Простор» вышли повести «Белая аруана» и «И вечный бой...». Появились первые положительные рецензии. В 1969 году Сатимжана приняли в члены Союза писателей с одной изданной книгой, хотя по правилам должно было быть не менее двух.

Сатимжан с головой окунулся в новую среду, появились новые знакомства. Писатели Чокан Алимбаев, Энгельс Габбасов, художники издательства «Жазушы» и не только...

Мы жили у моих родителей, и Сатимжан удивлял нас своей тягой к интересным людям. Однажды он привел домой Тимура Сегизбаева – футболиста, Амангельды Сембина – певца, который в одиннадцать часов ночи сел за пианино и начал петь, сопровождая себя и шокируя моих родителей. Как-то ночью он пришел домой с художником Калжаном Айтбаевым. Утром за завтраком, знакомясь с моей мамой, начинающей привыкать к таким неожиданностям, Калжан представился: «Вы знаете, я в Союзе художников не фиг собачий, я – член правления».

* * *

На съемки ленты «Дорога в тысячу верст» по долгу службы приехал Аскар Сулейменов – он был редактором фильма. Оригинальный, ироничный, временами вальяжный, иногда с убийственной ехидцей, он разговаривал обычно, не повышая голоса, но чего стоила одна интонация! И как неожиданно смягчалось лицо, голос, когда он общался с человеком интересным для него, которого он принимал за равного. На 50-летие Сатимжана на огромной фотографии юбиляра он расписался: «С невыносимым уважением!» Как хочешь, так и понимай!

Уехал Аскар, приехал Калихан Исаков, сценарист фильма, который и предложил режиссеру Карпову Сатимжана на роль Алиби Джангильдина. Они с Сатимжаном были

1974 год

знакомы давно. Общительный, добродушный, он мог отпустить шутку и тут же первый над ней смеяться. Любимое ругательное слово было «сболыш», которое из-за такого произношения теряло весь негатив. Это были первые молодые писатели, с которыми я познакомилась. Тогда к нам в родительский дом на Фурманова кроме Аскара и Калихана приходили Зейнолла Сериккалиев, Абиш Кекильбаев, который жил в квартале от нас, Жумекен Нажметдинов, были и другие, не вспомню, но за большим столом в зале в такие дни было полно друзей Сатимжана. Все разговоры были о литературе, например, какие новые произведения изданы, что такое роман, и роман ли «Путь Абая». Как иногда говорит Мурат Мухтарович Ауэзов, время все расставит по местам, но, думаю, что много времени не понадобилось, чтобы принять истину. Что поделаешь, они были молодые, горячие, подвергающие сомнению все и вся.

Спорт тоже не отпускал Сатимжана, его тянуло к спортсменам, к людям, которые ежедневным трудом добивались новых достижений. Единственным человеком, который видел поединок Сатимжана на борцовском помосте, был писатель Сакен Жунусов. Это было в одном из российских городов. Сакен забрел на соревнования борцов и рассказывал нам, как гордился тем, что в России

борец-казах в схватке положил соперника на лопатки. «Это было красиво, я был счастлив!» – восклицал он.

Не помню, когда и как в нашей квартире появился Амин Туяков. Красивый, веселый, легкий в общении. Его приход поднимал настроение. Это были годы его триумфа. Как-то он пригласил нас к себе домой в гости, помню, два серванта в его зале были заставлены кубками. Но больше всего меня поразила фотография: Амин Туяков между двумя братьями Кеннеди – Джоном и Робертом.

* * *

Москва, 1961 год, 12 апреля.

За день до этого я пришла к своей алма-атинской подруге Наташе Неклюдовой в общежитие МЭИ, а утром ни свет ни заря нас подняли на демонстрацию.

Колонны студентов МЭИ направлялись к Красной площади, чтобы приветствовать Юрия Гагарина – первого космонавта, облетевшего Землю. Казалось, вся Москва слилась в колонны, нескончаемым потоком текущими в одном направлении. Позади нашей колонны шла группа арабских студентов – человек тридцать-сорок. Было удивительно, что с начала нашего пути и до его завершения они безостановочно пели и танцевали с таким воодушевлением, что было понятно – это искренние чувства.

Шествовать было весело: разговоры, смех, радостное настроение. Но где-то к обеду колонны начали «худеть», ряды редеть, студенты разбегались, пошел слух, что, может, зря идем, уже никого не увидим. Какова же была наша радость, когда, дойдя до Красной площади, мы увидели на опустевшей трибуне одного человека – Юрия Гагарина, который смеялся и махал нам обеими руками, будто не стоял на трибуне с самого утра.

Стало понятно, что первым в космос летал человек, достойный во всех отношениях. Ведь не зря за простоту и обаяние его полюбил весь мир.

* * *

Как и обещал Есенберлин, через год с небольшим вышла первая книга Сатимжана «Белая аруана». Моя палата в роддоме, где я лежала с нашим первенцем – дочкой Гульжамал, находилась на первом этаже. Сатимжан принес сигнальный экземпляр своей книги, с ним было несколько человек, как оказалось, художники, которые поздравили нас с малышкой и Сатимжана с первой книгой. Это были Макум Кисаметдинов, художественный редактор книги, Калжан Айтбаев, Адиль Рахманов, Исатай Исабаев, Арсен Бейсенбинов, с которыми позже я познакомилась ближе. Они стояли поодаль, и под небольшую их овацию Сатимжан передал мне через окно свою первую книгу.

Неожиданно часа через два они опять появились перед окном моей палаты, уже веселые, подошли поближе, снова поздравляя с рождением дочери. И уже совсем ночью они тем же составом, совсем веселые, но такие же вежливые, пришли к окну, что-то громко говорили, смеялись, тянули руки, кто-то пытался залезть в окно. Оказалось, они «угощались» в недостроенном корпусе напротив. Так неожиданно и спонтанно мы отпраздновали два события.

Дальше началась обычная жизнь. Сатимжан работал в издательстве, дома после работы занимался переводами. Его коллеги по редакции рассказывали, что он мог в присутствии толпы людей, как бывает в редакции, сесть за уголок стола

и работать, невзирая на шум. Первым переводом была книга К. Абдыкадырова «Хаджимукан». В то же время он редактировал рукопись Х. Амирова «Крылья крепнут в полете». Автор – интересный человек, в свое время был пионервожатым у Д. А. Кунаева, в 1937 году был репрессирован и через 17 лет вернулся из ссылки слепым. На допросе ему выкололи глаза. В дороге домой его сопровождала женщина, выхаживавшая его еще в лагере, которая вскоре стала его женой. В благодарность за хорошую работу Хусаинбек Амиров издал повесть «Белая аруана» в журнале для слепых «Знамя труда». Некоторое время мы дружили семьями, хотя они были гораздо старше.

В 1970 году вышел перевод Сатимжана «Слов назидания» Абая. Почти полвека прошло со дня выхода этого перевода в свет, но «Слова назидания» до сих пор переиздаются. Это был первый полный перевод «Слов назидания». Сатимжану было 30 лет.

* * *

В том же 70-м году вышла вторая книга Сатимжана «Дорога только одна». Это была переработанная повесть «Степные звезды», над которой Сатимжан работал, как ни над какой другой, при каждом ее издании вносил изменения, какие-то эпизоды убирал, что-то дополнял, пока она под названием «Еще одно лето» не заняла свою «нишу» сначала в дилогии, потом трилогии, наконец, в тетралогии «Времена года нашей жизни».

К выходу второй книги я тоже не подкачала и произвела на свет сына, которого родители Сатимжана нарекли Галымжаном. За месяц до этого Сатимжан взял с собой годовалую Гулю и поехал в отпуск в Макат. Там он завершил перевод «Слов назидания» и выслал рукопись в издательство.

В это же время группа молодых ученых отправилась в Западный Казахстан с лекциями. Это были Мурат Ауэзов, Булат Каракулов, Болатхан Тайжанов, Мурат Гильманов, Канат Нурланова и Едыге Турсунов. В Макате они встретились с Сатимжаном, и в клубе во время их лекции Сатимжану пришла телеграмма о рождении сына. Когда ребята отправлялись дальше по своему маршруту, на столбах электролиний они по букве вырезали имя Галымжан (это последняя версия события), а младшей сестре Сатимжана Райсе не досталась буква – и она поставила точку.

В нашем доме стало тесновато, и мы начали задумываться о жилье. Как-то Сатимжан пришел домой с Муратом Ауэзовым, и, когда мама подняла «квартирный вопрос», Мурат неожиданно предложил нам поселиться у него. Он жил тогда на СМУ-15, где была квартира его старшей сестры Умит Джансугуровой. Гульжамал был год с небольшим, Галыму не было и месяца, тем не менее дней через десять мы были уже на Обручева, 7.

До сих пор поражаюсь храбрости Мурата, который решил взять семью с маленькими детьми и со всеми прилагающимися к этому заботами. Но впоследствии я поняла, что оказывать помощь людям – одна из черт его характера. Это был одноэтажный коттедж из трех комнат, в котором мы провели шілдехана – 40 дней нашему Галымжану. Тогда я впервые познакомилась с друзьями Мурата, которые навсегда остались и нашими друзьями.

Позже Сатимжан говорил, что жизнь в этом доме осталась в памяти как одно из самых счастливых воспоминаний. Там он начал одну из повестей кочевья «Когда жаждут мифа».

* * *

Мы жили на Обручева около полугода, было много общения. Мурат и его друзья жили идеями «Жас тулпара» и делали все возможное в этом русле, но их попытки были тщетны.

Часто у нас бывали друзья Мурата: Болатхан Тайжанов, Булат Каракулов, Майдан Сулейменов и другие. Иногда выходишь утром во двор, а на крыльце уже сидит кто-нибудь. Те, кто работал в гуманитарных институтах при академии были более свободны по времени. Помню, как Хорлан, жена Мурата Ауэзова, когда мы были соседями в писательском доме на Джамбула, пеняла на то, что Мурат приходил в институт литературы, расписывался и был таков, а ей в институте химии, где она работала, надо было сидеть от звонка до звонка.

Ближе к весне обстоятельства сложились так, что нам пришлось оставить полновывшийся дом и вернуться на Фурманова. Вскоре Булат Каракулов предложил нам снять комнату в четырехкомнатной квартире в том доме на Мирзояна, в соседнем подъезде которого они жили с Зифой и маленьким Амиром. Большое отличие от нашего предыдущего жилища. В первую же ночь нас атаковал десант с потолка – клопы. Утром мы сбежали, все покусанные, но позже туда приехала моя мама и распылила в десятиметровой комнатухе пять баллончиков дихлофоса. Когда мы вернулись обратно, налетчики оставили нас в покое и разбежались по всей квартире, а тетя Наташа, хозяйка, жаловалась, что теперь уже их одолели клопы.

В десятиметровой комнате справа у окна стояла кровать, затем манежик Галимжана. Слева на два стула мы положили полку от шкафа, а ближе к двери стоял шкаф. Сатимжан, сидя на кровати, работал за этим самодельным столиком. В комнате невозможно было развернуться, и через некоторое время Сатимжан сказал, что он не может здесь работать и хочет вернуться в нашу квартиру на Фурманова, и мы с Галымом остались одни в частной квартире.

Месяца через три нас попросили освободить комнату по семейным (долгая история) обстоятельствам. Опять перекочевка. Еще через какое-то время звонит Неля, жена актера Раимбека Сейтметова: «Света, я должна вам 100 рублей, может, поживете у нас месяца два-три?» Большая квартира Сейтметовых приняла нас со всеми пожитками.

Вскоре Сатимжан уехал на съемки «Необычного дня». Неля с утра уходила на работу. Раимбек вставал позже и начинал распевку, «накачивал» тонус, готовился к репетиции, на которую вскоре уходил. Новая среда, артисты, посиделки – почти на год я окунулась в незнакомые сферы человеческой жизни.

Наконец мы получили квартиру в только что отстроенном писательском доме на Джамбула. Шестнадцатиквартирный дом был на последней стадии сдачи, строители хотели получить свой процент – одну квартиру, но будущие хозяева смогли напоить прораба, заполучить ключи от квартир и заселиться раньше времени. В доме еще не было газа и света, я приезжала, как и остальные жены, затемно, тайком, чтобы привезти еду, свечи и краску. Сатимжан красил окна и двери, и, заходя в магазин напротив, я видела в окнах дома блуждающие огоньки, будто там бродили призраки. Конечно, не обходилось без посиделок, и все писатели удивлялись, где Кадыр Мырзалиев достает чекушки, когда остальные тратились на поллитровые бутылки водки. Нашими соседями по дому были Нутфолла Шакинов, Кадыр Мырзалиев, Калихан Исаков, Аскар Сулейменов, Мухтар Магауин, Мурат Ауэзов, Жайсанбек Молдагалиев и другие.

Со временем соседи стали разбредаться: кто-то поменялся и переехал, кто-то разъехался. Это уже не был дом писателей. Сатимжан все это время работал над повестями кочевья.

Просматривая старые номера журнала «Простор», обнаружила в первом номере за 1970 год в переводе Сатимжана рассказ М. Ауэзова «Многоликий Хасен», а в десятом номере – отдельные главы «Слов назидания». В 1972 году в «Просторе» вышла повесть Сатимжана «Когда жаждут мифа», в 73-м году – «Копажал», а через год – «Колодцы знойных долин».

* * *

В 1974 году неожиданно, слишком рано для своего возраста, умер друг детства Сатимжана Кубаш Рахметов. Я видела его раза два, и он показался мне человеком, просто необходимым для Сатимжана, даже если жизнь проходит на расстоянии. Чувствовалось особое отношение Сатимжана к другу детства, уважение, переходящее в пиетет. Сатимжану всегда нужен был впереди него маяк, человек, которым бы он восхищался, уважал за какие-то деяния, скорее всего творческого плана. Кубаш, приемный сын в семье одиноких стариков, мог по окончании института остаться в аспирантуре, у него была девушка, родители которой были из научной среды, но он не оставил стариков, воспитавших его, и вернулся в Гурьев.

Внезапный уход Кабаша из жизни (приступ сердца) оставил в душе Сатимжана тяжелый след, что вылилось позднее в повесть «Таких дождей здесь не бывало», которая отразила чувства и состояние Сатимжана после утраты близкого друга.

В 73-м году киностудия «Казахфильм» приняла к производству сценарий Сатимжана «Там, где горы белые» по его рассказу «Белая аруана».

* * *

За пять с небольшим лет у Сатимжана вышло две книги, два фильма с его участием, три-четыре перевода с казахского языка на русский, три повести кочевья в «Просторе». Самыми значительными из переводов были «Слова назидания» Абая и рассказ Мухтара Омархановича «Многоликий Хасен». Неплохой результат для начинающего писателя.

Позже Сатимжан перевел еще три рассказа М. Ауэзова, все они вошли в книгу «Повести и рассказы», вышедшую в 1984 году. В книге обозначено и мое имя (фамилия), как редактора, – я работала тогда в издательстве «Жалын». Мое участие было еще в том, что я предложила Лейле Мухтаровне Ауэзовой фотографию на обложку книги, обнаружив ее дома среди множества фотографий, и снимок понравился ей. Так что книга эта вызывает у меня приятные воспоминания. Был момент, когда Л. М. Ауэзова предложила Сатимжану поработать над новым переводом романа «Путь Абая». Но эта работа заняла бы годы, а у Сатимжана было еще много планов, и он не смог взяться за этот перевод.

Пока Сатимжан работал в издательстве, а потом в Союзе писателей Казахстана, он собрал из молодых коллег футбольную команду, участвовал в общественных мероприятиях, был плотно задействован в подготовке и проведении Конференции писателей стран Азии и Африки, плюс ежедневная работа в Союзе.

Семейные дела тоже требовали времени и забот. Женился младший брат Сатимжана, Нуркан, и мы, как старшие в Алма-Ате родственники, должны были пригласить семью Аштара Джолдасова, новых кудалар, и поднести подарки. Мы

решили подарить что-нибудь неординарное и купили английский сервиз ручной работы на 12 персон. Говорили, что вагон такой посуды оказался в Алма-Ате неисповедимыми путями. Но тетя Алмагуль Джолдасова сказала: «Света, сервиз хороший, но с нашей стороны будут еще три семьи, просто купите каждому по хорошему отрезу, а сервиз оставьте себе». Можно бы сказать, век живи – век учись, но прошло около полувека, и где сейчас эти отрезки, а сервиз по сей день радуется нам глаз.

* * *

Успешно прошла в Алма-Ате Конференция писателей стран Азии и Африки, масштабное мероприятие, в проведении которого приняли участие друзья и единомышленники Сатимжана. Закончилась работа над картиной «Там, где горы белые», фильм благополучно был сдан в производство. В начале года в журнале «Новый фильм» вышла рецензия на фильм, особенно отмечался успешный дебют сценариста С. Санбаева и режиссера-постановщика Виктора Пусурманова.

Сатимжан с Муратом Ауэзовым собрались в Закарпатье заслуженно отдохнуть, покататься на лыжах. В день отъезда неожиданно к отъезжающим присоединился Булат Каракулов, а в последнюю минуту буквально на подножку вагона заскочил Болатхан Тайжанов. Сюрприз за сюрпризом, образовалась теплая дружеская компания. Воспоминания об этой поездке Сатимжан облек в настроенческий рассказ «Черный вихрь».

Однако дома его ждало неприятное известие. Одобренный худсоветом фильм «положили на полку». Предположительная причина этого инцидента: глупая верблюдица, рискуя своей жизнью и жизнью своего детеныша, бежит туда, где она родилась, когда немцы, евреи не могут добиться разрешения выехать на свою историческую Родину. Вторая причина – в Казахстане не о ком снимать кино, кроме как о животных. В том же году были сняты «Серый лютый» и «Кулагер». Это было первое препятствие на творческом пути Сатимжана.

Фильм вышел на экраны кинотеатров через 15 лет. Режиссер В. Пусурманов добился, чтобы фильм сняли с полки, озвучили (раньше озвучивание проводилось только на московских киностудиях). Весь фильм озвучивал Иннокентий Смоктуновский. Говорят, он заплакал, когда верблюдица погибла.

* * *

В день, когда мы принимали новых родственников, чуть позже подошел еще один гость – друг дяди Аштара Тимеш Садвакасов, председатель Павлодарского облисполкома, а еще позже Далабай Ешпанов, впоследствии директор Балхашского горно-металлургического комбината. Кто бы знал, что эти два человека обозначают какие-то вехи нашей жизни в будущем и сыграют в ней значимую роль.

Сатимжану поступило предложение от московского издательства «Молодая гвардия» написать очерк о казахстанском Герое Социалистического Труда для сборника из 15 очерков, от каждой республики по очерку такого же плана. Тимеш Садвакасов посоветовал Сатимжану кандидатуру молодого чабана, Героя Социалистического Труда. После написания этого очерка последовал неожиданный шаг – переезд в Павлодар для работы над романом о павлодарском тракторном заводе.

В 75-м году мы переехали в Павлодар, сначала Сатимжан, а потом я с детьми. В первый же день Сатимжан повел нас покупать продукты. В большом магазине с пустыми прилавками в витрине в тарелке что-то плавало – оказалось, зельц. А сверху на витрине опять же в тарелке лежало непонятно что. Этикетка вещала – кожа и кости от окорока, 35 копеек. Единственное, что можно было купить из серьезной еды – яйца. Со временем о нас позаботились, с продуктами дело наладилось. Хуже было дело с копиркой и бумагой для печатной машинки: печатать приходилось на обеих сторонах.

Уезжая через четыре года, я не вспомнила ни одного заветного уголка, куда хотелось бы наведаться. Одна радость – Иртыш, но комары... В памяти остались три вещи: морозы, дети пошли в школу, и работа, работа, работа...

Сатимжан собирал материалы, какое-то время работал на заводе, тем более, у него был диплом инженера сельскохозяйственных машин. Работа над романом шла туго. Завод был молодой, не все в производстве ладилось, что разочаровывало Сатимжана. За год до этого мы приобрели печатную машинку «Эрика», и в следующие 25-30 лет она стала моей лучшей подругой, спутницей жизни и т. д. и т. п. Иногда приходилось печатать по 40-50 страниц в день, чтобы дать возможность Сатимжану работать над следующим вариантом: ему лучше работалось с чистой рукописью. Работа пошла, когда Сатимжан приблизил географически Гурьев и Баянтау (Павлодар), ввел в роман героев из «Еще одного лета» и «Таких дождей здесь не бывало».

Некоторые друзья, знакомые приняли в штыки переход Сатимжана на рабочую тему, но назад дороги не было, роман уже рождался. Из Павлодара я привезла домой 10-15 коробок с вариантами нового романа «Лист, скользящий по снегу». Целый год мы сидели дома и работали уже над трилогией «Времена года нашей жизни», чтобы сдать ее в издательство. Книга получила премию ВЦСПС за лучший роман о рабочем классе в 1982 году.

* * *

Я родилась на улице Фурманова, как и три моих младших брата, в «небоскребе» по тем временам – трехэтажке под прозаическим названием «2-й жилкомбинат». Таких жилкомбинатов по центру города было шесть или семь (если ошибаюсь, знающие меня поправят). Первый, который с Калинина сворачивал на Фурманова, уже снесли с большим трудом. Долго не могла понять, почему хлебный магазин в нашем доме называли бажека. Оказалось, магазин для беременных женщин. В первом подъезде нашего дома жили родители Д. А. Кунаева, в третьем – композитор Ерзакович, в каждом подъезде жили люди, значимые в то время. В войну все квартиры были коммуналками, иногда даже в кухне жила семья. В каждой комнате – буржуйка, на них готовили еду, ими же обогревалось жилье. Подвалы тоже были заселены. Было много эвакуированных. Когда освобождался какой-нибудь занятый немцами город, кто-то уезжал, из подвалов жильцы перемещались наверх, пока все цокольные этажи не опустели.

Эту историю я знаю со слов мамы. Интересно, что со временем услышанное превращалось в явное, принимало зримые очертания, становилось частью твоей жизни. Однажды у дверей квартиры напротив мама увидела трех рослых мужчин в меховых куртках, унтах. Они были похожи на летчиков. Один из них вроде был Василий Сталин. В этой квартире в одной из комнат жила жена Романа Кармена,

кинорежиссера, оператора, который сейчас был на фронте. Соседки говорили, что эти люди увезли Нину Кармен с собой, а на следующее утро она уже готовила себе завтрак на общей кухне. Как будто по приказу Сталина той же ночью ее вернули обратно. «Кармен находится на фронте, а ты уводишь его жену!» – будто сказал Сталин сыну.

Едва ли кто-то может сейчас поручиться за точность слов, но смысл был таков.

Я долго искала подтверждения этому случаю. Хотелось, чтобы хоть один человек был бы свидетелем или хотя бы слышал о таком факте. Как-то наш друг, журналист Аскар Нурманов попросил нас принять у себя дома артистов театра имени Маяковского, гастролировавшего в Алма-Ате. За столом зашел разговор о Р. Кармене, и на мой вопрос о его жене Нине актрисы наперебой заявили, что такого быть не могло, Нина не была в Алма-Ате. Но я понимала, что мама не могла такое придумать.

Недавно посмотрела сериал «Сын отца народов» и, ура, получила подтверждение маминему рассказу. Правда, сцена «увода» Нины Кармен Василием Сталиным происходит в московском ресторане, но все остальное сходится. Сомнения прочь, душа моя успокоилась.

* * *

Школа, в которой я училась, находилась через дорогу от оперного театра. Говорили, что раньше это была женская гимназия, а сейчас на этом месте гостиница «Иссык». Оперный театр шефствовал над нашей школой и обычно перед праздниками устраивал концерты силами оперных певцов. Нам раздавали билеты по 20 копеек – листочки из тетрадей, – и наши родители оплачивали их, некоторым давали по два-три билета. Концерты проходили в школьном зале. На вырученные деньги родительский совет покупал одежду и обувь сиротам, отцы которых погибли в войну. На эти концерты чаще ходили мы с подругами, с детства приобщались к классической музыке. Романсы, оперные арии, военные песни – репертуар, который запомнился на всю жизнь.

Начальные классы прошли под знаком войны, хотя Алма-Ата находилась в глубоком тылу. В детсаде и школе мы пели военные песни, в нашей коммуналке (в каждой комнате по семье, а иногда даже в кухне) женщины пели песни о трудной женской доле, о тонкой рябине, степь да степь кругом, Хасбулат удалой. Позже где-то прочитала, что «Хасбулат удалой» был любимой песней заключенных революционеров... Мы запоем читали книги о Зое Космодемьянской, Гуле Королевой, Володе Дубинине, играли в партизан, в казаков-разбойников. Переживали, вдруг снова война, сможем ли мы выдержать пытки, если попадем в плен.

Со временем отголоски войны стали утихать, жизнь налаживалась.

По весне, когда просыхал после снега асфальт, мы бежали через дорогу на наше место. Раньше перед театром с обеих сторон располагались полукруглые гранитные скамьи, «колбаски» по-нашему. Скакалки, классики, просто разговоры обо всем.

Когда мы учились в старших классах, по субботам к оперному театру подъезжал автобус, из которого выпрыгивали молодые арабы. Говорили, что они проходят то ли учения, то ли практику на 70-м разъезде, будущие военные летчики. Они рассеивались по городу, а вскоре стали заходить в нашу школу, заглядывать

в классы в поисках знакомых девочек. Для нас это было развлечением: новые люди, новые лица, иностранцы, одним словом.

У моей подруги и одноклассницы скрипачки Анели Черномской мама была балериной, танцевала в оперном театре. Один раз Анеля взяла меня с собой, ей надо было забрать ключи у мамы. Мы облазили с ней в театре все этажи, нижний – под сценой, этаж с артистическими уборными и дирекцией, этаж еще выше и еще, где закрепляется занавес. Лестницы были с двух сторон сцены, и с каждого этажа с разной высоты был выход к сцене, открывался новый вид на сцену. Везде сновали люди, занимались таинственными и непонятными для меня делами. Было ясно одно: идет подготовка к спектаклю. Я заболела театром, после школы ходила туда уже без Анели. Главное было – пройти мимо вахтера. Потом можно было часа два-три бродить по всем этажам, разглядывать все вокруг. А вокруг все было необычное и привлекающее. Мои путешествия закончились, когда на вахте стали требовать пропуск и перестали пускать посторонних.

* * *

В 1974 году в московском издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник Сатимжана Санбаева «Дорога только одна». Держу в руках эту книгу, вижу – печать букинистического магазина, тираж – 100 000 экземпляров, послесловие Зои Кедринной (русский советский критик). Вышедшие в Москве книги Сатимжана я могла найти только в букинистических магазинах, издательство присылало лишь один экземпляр. З. Кедрина много писала о Сатимжане, о его творчестве. Тираж, конечно, немыслимый для нашего времени.

В 1976 году вышло сразу несколько книг: сборник казахских рассказов «Белая аруана», по названию рассказа Сатимжана, в издательстве «Художественная литература»; «Колодцы знойных долин» – в приложении к журналу «Дружба народов»; и в Германии, естественно, на немецком языке, сборник Сатимжана Санбаева «Когда жаждут мифа». Сборник казахских рассказов «Белая аруана» пошел гулять по свету: «Ак доя» в Казани, «Die weise Aruana» в Берлине, «Walge Aruaana» в Эстонии, «Bilà velbloudice» в Праге.

Сатимжан написал сценарий художественного фильма «Там, где горы белые», писал сценарии документальных фильмов. После двух ролей он получал предложения на кастинги и съемки в кино. По повести Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке» в Киргизии начинали снимать фильм. Его пригласили на пробы на роль главного героя Ильяса, но не взяли по причине «излишней красоты». Но скорее, полагаю, причина была в том, что он мало был похож на киргиза. Чистокровный породистый казах! Снимался фильм о строительстве противоселевой плотины в Алма-Ате, там он не подошел, потому что не был похож на директора строительства, то есть опять же из-за внешности. Сниматься в фильме «Великий самоед» отказался уже сам: съемки проводились на Крайнем Севере, по сюжету актер должен был окунаться в ледяную воду. Тут уж я подсказала, что это чревато последствиями для здоровья, думаю, он и сам это понимал и отказался.

В 1984 году Асанали Ашимов пригласил Сатимжана на роль султана Тезека в сериале «Чокан Валиханов». В 1993 году в фильме «Батыр Баян» он снялся в роли Абылай-хана у режиссера С. Таукелова. Если в «Чокане Валиханове» можно было что-то сыграть, и Сатимжан с этим справился, то в «Батыр Баяне»

роли почти не было, сыграла фактура, если можно так сказать. Я просмотрела поэму Магжана Жумабаева «Батыр Баян»: материала для роли Абылай-хана было немного, и я сказала Сатимжану: «Это первый Абылай-хан в кино, не боишься неудачи?» Сатимжан сказал: «Я говорил об этом с режиссером, но он настаивает, и внешнее сходство как будто есть». Сходство было: дети, увидев банкноту в 100 тенге, радовались: «А вот и папа!» Дома мы подтрунивали над ним: «При советской власти ты – революционер, а сейчас все ханы да султаны! Уже и до Аруаха добрался!» (имеется в виду клип Батырхана Шукенова «Сагым Дуние»).

* * *

В 1977 году Сатимжан уехал в Москву на двухгодичные литературные курсы при Литинституте, хотел восполнить свои филологические познания, ведь он окончил сельхозинститут. Мы остались в Павлодаре по причинам семейного толка. Дети пошли во второй класс, я работала в той же школе, была всегда при них.

Галым пошел в первый класс, едва ему исполнилось шесть лет, умел читать, но с пуговицами и шнурками дело обстояло хуже. Трудно было привыкнуть к павлодарским зимам с морозами и ветрами. Однажды Галымжан пришел в слезах: «Мама, такой сильный ветер! Чтобы удержаться на ногах, я схватился за столб, а ветер стукнул меня головой об этот столб! Поедем домой, в Алма-Ату!»

Летом комары, зимой морозы. 20 активированных дней за зиму. Это значило, что температура зашкаливала за -28 градусов, и дети с 1-го по 4-й класс не учились в такие дни. Как-то мы с Сатимжаном пошли в гости: когда выходили из дома, морозец был терпимый, сошли с трамвая – мороз усилился, поднялся сильный ветер. Добирались до нужного дома перебежками от дерева к дереву, ветер гнал в спину, не удержишься – унесет, как былинку. Вышли из гостей – на улице пусто, жуткий холод. Из проезжавшей мимо машины нам сообщили, что где-то трамвай снесло с рельсов, он перегородил дорогу другим трамваям. Еле добрались до дому на редкой попутке, хорошо, не заболели.

А летом, перед самым нашим возвращением в родные пенаты, случился смерч, снесло крышу с пятиэтажного дома, не обошлось без жертв. Смерч прошел по диагонали от одного края города до другого. Где-то огороды остались целы, с другого конца все вырвало с корнями, осталась пустошь. Другим летом на город налетела саранча. Едешь в трамвае – на остановке стая залетает, на следующей вылетает. Окна дома не откроешь, залетит – не выгонишь. Вспомнилось детство, Талдыкурган во время налета саранчи. Все жители забирались на крыши домов, стучали в ведра и тазы, чтобы отпугнуть, отогнать стаи. Небо темнело от неимоверного количества вредителей, пока они пролетали мимо. Там, где саранча садилась, от овощей и фруктов не оставалось ничего. Как мы радовались, что смогли защитить сад и огород и получить заслуженный урожай!

В Павлодаре снег лежал почти до апреля, а душа с конца февраля – начала марта просила тепла, весеннего яркого солнца, а в августе, по возвращении из Алма-Аты в Павлодар после летних каникул, уже на трапе самолета холодный ветер с песком бил по ногам. Когда Аскар Сулейменов сказал мне как-то: «Да ты у нас декабристка!», я усмехнулась. Новые места, новые люди – это же хорошо! Но позже, глядя на окружающие реалии, подумала, что, возможно, он прав.

Из Москвы от Сатимжана шли письма. Кроме того, что надо было печатать очередной вариант последнего романа, работы только прибавлялось:

«Света! Наконец завершился перевод. Хотел пройти еще раз, но нос воротит от такой работы, а надо бы шлифовать и шлифовать. Придется тебе заняться этой тяжелой работой. Два дня снова болею, простываю часто, опять сижу на лекарствах. Посылаю книгу К-ка с тем, чтоб ты печатала. Первую вещь пришлешь мне. Я посмотрю, верну на перепечатку. Надо сдавать, нельзя тянуть. Прошу тебя довести “Алпамыс” до ума, не доведена мной, и отошли в “Жалын”. Потом тебе надо будет оперативно включиться в перепечатку моих работ. Устал. Мечтаю о том дне, когда будем все вместе. Все время сны. Врачи дали таблетки, а там написано: от постоянного переутомления, сопряженного с преждевременным старением. Говорят, надо не думать много, отдохнуть».

Москва многое дала Сатимжану, но не самым лучшим образом повлияла на его здоровье.

* * *

В 1983 году после поездки Сатимжана с группой писателей в Темиртау, Балхаш и Караганду у него зародилась идея написать роман о строительстве и становлении Балхашского горно-металлургического комбината. Связано это было ещё с тем, что после Москвы у Сатимжана возникли проблемы со здоровьем. В результате нескольких госпитализаций ему, наконец, поставили неизвестный нам ранее диагноз – адиссонова болезнь. Оказалось, это гормональное заболевание, с которым предстояло прожить при соответствующих условиях до конца своих дней. При совминовской больнице такое заболевание обнаружилось только у двоих пациентов, вообще оно встречается у одного из ста тысяч человек.

Сатимжану посоветовали пожить в местности, схожей с его родными местами. Так мы оказались в Балхаше, который мне живо напомнил Алма-Ату 50-х годов. Нам была выделена двухкомнатная квартира, полупустая, но отремонтированная, и мы заставляли ее с помощью сочувствующих знакомых мебелью, которая кому-то стала не нужна. Знакомое дело!

Сатимжан принялся за сбор материалов, встречался с участниками и свидетелями событий 30-х годов, хорошо, что таких было еще немало. Одновременно он переводил на русский язык роман Калихана Исакова «Кедры высокие».

31 декабря 1983 года, когда мы остались вдвоём за столом с бутылкой шампанского (дети уехали на каникулы в Алма-Ату), Сатимжан положил на стол перед собой стопку чистых листов, вывел дату – 1 января 1984 года и написал несколько предложений. Так он приступил вплотную к работе над романом «Медный колосс».

* * *

Настроение и состояние Сатимжана было на подъеме. Когда он работал увлеченно, то забывал о своем нездоровье, выкладывался в полную силу, его было не оторвать от письменного стола. Он писал о времени, когда созидалась промышленность Казахстана, из степняков-кочевников рождался рабочий класс.

Летом 1984 года Асанали Ашимов начал съемки четырехсерийного фильма «Чокан Валиханов», где Сатимжан снимался в роли султана Тезека. Ему было полезно отойти немного от работы над романом, да и такую роль нельзя было упускать. Полагаю, что она ему, как непрофессионалу, удалась.

Когда российские режиссеры Усков и Краснопольский предложили Сатимжану роль хана Кучума в фильме «Ермак», он ознакомился со сценарием, стал пред-

лагать свои поправки, изменения, что могло, по его мнению, улучшить фильм. Но фильм должен был сниматься в то время, когда в Павлодарской области переименовали город Ермак в Аксу, снесли памятник Ермаку на городской площади. Было непонятно, насколько объективно будет преподноситься образ хана Кучума, тем более даже на тот момент у Сатимжана было неприятие некоторых эпизодов сценария и поступков его героя, и он отказался. Роль хана Кучума сыграл туркменский актёр Х. Нарлиев.

Последнее его появление в кино – это роль Аксакала-охотника в фильме «Небо моего детства». Образ получился эффектный.

* * *

Через два года Сатимжан положил рукопись романа «Медный колосс» на стол директора издательства «Жазушы». Как всегда, первым делом рукопись в сокращенном варианте была предложена журналу «Простор». Что я могу сказать, как первый читатель? Читать, печатать было интересно, иногда забывала, что надо печатать, зачитывалась, хотелось узнать продолжение. Я в общем-то не любитель рабочей темы в художественной литературе, хотя были и такие книги, что читались с интересом. С детства запала в память повесть Ликстанова «Малышок» о подростках, которые в военное время работали наравне со взрослыми у станков на заводе.

В «Медном колоссе» Сатимжан хорошо передал атмосферу происходившего, приобщение кочевников к новому роду деятельности. Понимаю, что не каждый читатель выдерживает многостраничные описания рабочих процессов, но роман того стоит. Это я до сих пор полемизирую с авторами некоторых рецензий. Роман состоит из двух частей: «Площадка» и «Карьер». У Сатимжана был замысел затем продолжить роман еще в двух частях: «Карьера» и «Площадь». Но в 1986 году, после того, как «Простор», успев напечатать первую часть романа «Площадка», вернул автору рукопись второй части «Карьер», а издательство «Жазушы» также отказалось издавать роман, эта идея приказала долго жить. Причина отказа от романа: прообраз одного из главных героев романа Жантаса Ахмедова, под которым подразумевался Динмухамед Ахмедович Кунаев. Понимаю, что это не прихоть издательств.

Не думаю, что для Сатимжана или для редакции журнала было невыполнимым что-то сократить, в основном производственные моменты, доработать роман, довести его до кондиции. Но после 86-го года в Казахстане много что изменилось, а Сатимжана на несколько лет вычеркнули из литературной жизни республики.

Роман с помощью спонсоров был издан лишь через 20 лет.

* * *

Немного не о литературе. В Павлодаре в аэропорту Сатимжан познакомился с парнем-инвалидом. Оказалось, Нурлан – Герой Советского Союза, участвовал в военном конфликте между Китаем и СССР на острове Даманском. Во время боя он был ранен, долго лечился, но все равно от пояса вся нижняя часть туловища осталась недвижимой, ходил на костылях. Симпатичный, но сумрачного вида, он был как бы отстраненным: не приближал к себе незнакомых, не допускал вопросов, соболезнований и, не дай Бог, жалости. В первый раз Сатимжан сам привел его к нам домой, потом Нурлан в сопровождении молодых парней-помощников

стал время от времени приходить к нам. При нем всегда была бутылка водки. Я накрывала на стол и старалась уйти в другую комнату: трудно было смотреть на него, еще тяжелее выносить его сумрачный взгляд, хотя он никогда не смотрел в лицо. Мне казалось, что он весь как открытая рана, как оголенный провод.

Он привязался к Сатимжану, видно, чувствовал в нем родственную душу, чело- века, также перенесшего трудные времена. В любом состоянии не оставался у нас, с помощью сопровождающих его парней уходил домой. У Нурлана была кроме ранений еще одна трагическая история. Девушка, которая обещала ждать его из армии, узнав о ранении и последующей инвалидности, отказалась от него. После долгого лечения Нурлан вернулся в родные края как раз к свадьбе этой девушки и с орденом Героя Советского Союза на груди пришел в ресторан, рассказал свою историю жениху. Свадьба расстроилась, жених отказался от невесты. Вместе со всей своей семьей ей пришлось уехать в другой город, подальше от обидных упреков, от неуважения близких и знакомых. Дальнейшую судьбу Нурлана я не знаю, мы вернулись в Алма-Ату.

В Алма-Ате Сатимжан однажды привел домой мальчугана лет двенадцати-тринадцати, сказал, что он бездомный сирота, пусть переночует у нас, а завтра он подумает, как ему помочь. Не знаю чем, но мне он сразу не понравился: глаза бегают, вид как у неприрученного зверька. Но раздумывать было поздно, на улице стемнело. Мы уже легли спать, сначала уложив гостя, когда я услышала какой-то шорох. Оказалось, наш питомец потихоньку крался к входной двери, прихватив с собой какие-то безделушки, которые, видимо, приглядел заранее. Сатимжан прочел ему нотацию, что такое хорошо и что такое плохо, постелил в подъезде на этаже старое одеяло, благо было лето, и наказал утром прийти позавтракать и поговорить. Утром в подъезде не было ни мальчугана, ни одеяла.

Как-то Сатимжан привел домой двух девочек-подростков, слабослышащих и плохо говорящих. Они оканчивали школу и должны были найти работу и освободить общежитие. Гособеспечение прекращалось, а их старенькая бабушка не смогла бы всех прокормить. Хорошо, была хоть крыша над головой. Сатимжан попросил меня заняться их проблемой, найти им занятие. Но никто не хотел брать их на работу, сколько я ни пыталась. Наконец-то они сами нашли работу. Единственное, чем я могла помочь, это деньгами и продуктами. Они долго еще звонили, сообщая о своих делах.

Обостренное восприятие чьих-то невзгод не давало Сатимжану пройти мимо нуждающихся в помощи, и, если это было в его силах, он делал, что мог, не требуя благодарности, не выставлял себя благодетелем, ибо, как говорит народная мудрость, зерна, брошенные в капкан, не являются щедростью.

* * *

Наступили нелегкие времена во всех отношениях. Сатимжан после Балхаша остался без работы на несколько лет. Но жизнь продолжалась, все шло своим чередом. В нашей семье произошло пополнение, родилась Алуа. Помню, когда родилась Гульжамал, все в нашей квартире помогали нянчиться с ней, а для моих младших братьев она была как игрушка. Алёка росла в более суровых условиях: все в семье работали, ее мы определили к нянечке, но благодаря этому она очень рано стала самостоятельной, а со временем, освоив компьютер, заменила меня, работая с Сатимжаном над рукописями.

К 50-летию Сатимжана издательство «Жазушы» выпустило книгу повестей «Когда жаждают мифа». В повести кочевья вошло одно новое произведения – «Другая жизнь города». Сюжет повести задумывался как сценарий в соавторстве с осетинским актером Бибо Ватаевым, известным главной ролью в фильмах «Сказание о Рустаме» и «Рустам и Сухраб», с которым Сатимжан познакомился в Москве во время учебы на литкурсах. Вернувшись в Алма-Ату, Сатимжан сам завершил эту работу, но уже не как сценарий, а как повесть. Я до сих пор ощущаю в ней «кавказский дух». Может, от того, что я знаю историю написания.

Но настоящим подарком стала книга из Германии «Истории о людях и животных». Первым автором в содержании значится Бальзак (!), за ним следуют Золя, Мопассан, Киплинг, Лондон, Сент-Экзюпери, Хемингуэй, Толстой, Чехов, Тургенев и еще 40-50 авторов, в основном XIX века. И третий от конца, один из самых молодых авторов – С. Санбаев с повестью «Белая аруана». Каждый раз, когда я держу в руках эту книгу, снова поражаюсь и не верю своим глазам.

Какая невероятная компания!

* * *

Отмечать юбилей – 50 лет Сатимжану – мы не планировали по причине, ранее мной изложенной. С подачи моей подруги детства Зифы Тажибаевой-Каракуловой, я попала в Союз дизайнеров. Для того времени это было большой поддержкой для нашей семьи, о чем Тимур Сулейменов, председатель Союза дизайнеров и наш давнишний друг, вероятно, не догадывался. Мало кто понимал, в какую передрягу мы тогда попали. Конечно, отдел кадров СД – это не то, что мне подходило, но других предложений почему-то не поступало. Тимур и Сатимжану предлагал стать редактором журнала о дизайне, но эта затея сорвалась, и через два месяца Сатимжан ушел на вольные хлеба.

В это время Олег Дильмухамедов, опять же наш хороший друг, организовал агитпоезд «По следам Красного каравана» – каравана, который когда-то возглавлял Алиби Джангильдин. Сатимжан уехал с ними на несколько месяцев, познакомился с потомками тех, кто сопровождал караван с оружием от Шевченко до Тургая.

А юбилей все же состоялся по инициативе Мурата Ауэзова и остальных наших друзей, которые обеспечили его проведение. Прошло все очень весело, были только наши друзья и близкие знакомые, и даже продолжили празднование у нас дома.

И вспомнился мне другой юбилей – моего папы Сейтжана Омарова (назвать отчимом язык не поворачивается, но родного давно уже не было рядом), тоже 50-летие. Проходил он в старом ресторане на Джамбула, который вскоре благополучно почил в бозе (сгорел). Нас, подростков, посадили за последний стол. Рядом со мной сидела моя сколько-то-юродная сестра по маме Роза. Чуть позднее к нам посадили двух припозднившихся местных поэтов Скалковского и Балыкина, которые тут же стали засыпать комплиментами Розу, пока их не пересадили за другой столик. Еще позже за наш столик сели еще два поэта, уже московских: Михаил Луконин и Ярослав Смеляков, которые, побродив по городу и не найдя ни одного писателя у себя дома, видимо, по чьей-то наводке, обнаружили всех в ресторане. Они тоже начали «клеиться» к Розе, называли ее Кармен, пока их также не пересадили поближе к почетным местам.

Но эту встречу я помню до сих пор, хотя и не в деталях. «Если я заболею, к врачам обращаться не стану, обращусь я к друзьям...» и «Постелите мне степь,

занавесьте мне окна туманом...». «Ташусь» от этих стихов, как и от многих других Я. Смелякова. А сленг иногда так бьет в точку, что не хочется искать более приличные синонимы. Ну и пока растишь детей, многого от них наберешься...

* * *

В 96-м году мы переехали из микрорайона Самал в частный дом в поселке Акбулак – получалось, по диагонали из одного конца города в другой. После двенадцати лет приема гормональных таблеток от аддисоновой (бронзовой) болезни главный эндокринолог Алма-Аты, тщательно обследовав, сообщил Сатимжану, что у него нет аддисоновой болезни, а если есть, то в смазанной форме. Цвет кожи не стал бронзовым, основных симптомов не наблюдается. Последствия двенадцати лет на гормональных, естественно, сказались на здоровье Сатимжана, а пока он перестал принимать лекарства, которые обеспечивали жизнедеятельность организма, два года приходил в себя: отсутствие аппетита, апатия, слабость. Со временем все эти признаки болезни оставляли его, он вернулся к нормальному своему состоянию.

Сатимжан перешел на малые формы, стал писать эссе, очерки. «Не мистик, но божьей милостью...» – об Аскаре Сулейменове, «Девятый вал» – о Макуме Кисамединове и Калжане Айтбаеве. Они уже «ушли вверх по ручью», по выражению индейцев, – это еще раз напомнило Сатимжану о скоротечности жизни. После этих эссе стали поступать просьбы знакомых, даже заказы написать что-то подобного рода. Были очерки, о героях которых писалось легко, увлекали характеры, перипетии их жизней, но были случаи, когда невозможно было отказаться, но работалось над очерком тяжело, через силу, пока не находилась изюминка, которая помогала развить тему.

С большим сомнением он взялся за эссе об известном композиторе Мукане Тулебаеве. Сатимжана смущало то, что он не так хорошо знал казахскую классическую музыку и ее создателей, но отказать вдове композитора, которая неисповедимыми путями вышла на Сатимжана со своей просьбой, он не мог. Ему пришлось внедряться в материалы на эту тему, знакомиться с творчеством казахских композиторов. В конце концов он увлекся, и из-под его пера вышло замечательное эссе «Элегия».

Наша семья пополнилась еще одним человечком – внук Алишер, веселый, смешной, подвижный, украсил нашу жизнь. Всей семье было хорошо жить в природе, интересно впервые наблюдать, как растут цветы, овощи, фрукты. У нас появились кошки, собаки, долгую память оставил красавец тазы Кумай, который случайно к нам попал и так же неожиданно исчез. Все, кто когда-либо видел его у нас, не могли забыть и интересовались его судьбой.

Сатимжан уже освоил новый жанр, один за другим выходят всё новые очерки о писателях – И. Есенберлине, С. Бегалине, К. Токаеве, И. Шухове, о художниках – Е. Мергенове, Б. Табиеве, архитекторе К. Монтахаеве, кинодеятелях – Н. Жантурине, М. Бегалине, Ш. Айманове.

* * *

Еду в автобусе по улице Абая. Рядом случайно встретившаяся знакомая – Надежда Чернова, известная поэтесса, которая работала в «Просторе». Проезжаем улицы – Жарокова, Айманова, впереди – Саина, Момышулы. Говорю, ведь я знала

всех этих людей, кого больше, кого меньше, но никак не могу состыковать память о них с этими улицами. Люди совершенно разные, а улицы как будто похожие одна на другую. Надя Чернова говорит: «Света, но ведь об этих личностях надо писать, ты ведь наверняка знаешь о них то, чего никто не может знать». Думаю, кому могут быть интересны мои по-детски наивные, поверхностные впечатления от нескольких встреч и услышанных чьих-то мнений? Но все же...

Итак, в первом жилкомбинате, который уже снесен, в первом подъезде, что по Калинина, жили Кайрат Сулейменов, который во время учебы в Москве стал жастулпаровцем, Света Бурханова, дочь узбекского народного артиста Шукура Бурханова, – мои одноклассники. Позднее из Ташкента приехал ее брат Шура, солист балета. Он был хорошим танцором, но, кажется, физически слабоват для некоторых ролей. В Алма-Ате всегда балет был на высоте, в опере тоже голоса были неплохие, но с появлением оперных телеспектаклей, фильмов «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Аида» спектакли в театре уже не заманивали. Внешнее несоответствие персонажей и исполнителей, чего не наблюдается в балете, не привлекало и даже наоборот.

Во втором подъезде по Калинина жила Рая Амангельдиева, внучка Амангельды Иманова, тоже одноклассница. В четвертом подъезде, уже по улице Фурманова, жил Бахыт Момышулы. Мне довелось однажды на дне рождения Бахыта увидеть его отца. У него была уже другая семья, но он пришел поздравить сына, сказал несколько добрых слов и вскоре ушел.

Как-то так вышло, что в школе было много ровесников с громкими фамилиями, однако это было чем-то обыденным. С первого класса со мной учились Раушан Жарокова, Райхан Мусрепова, Карлыгаш Байсеитова, Марьяш Сатпаева. Моей подругой была Наташа Неклюдова, отец которой работал где-то в правительстве, но политика нас совсем не интересовала, гораздо важнее было то, что ее мама была завучем в 56-й школе. С нами училось много детей артистов: Абдуллины, Кармысовы, Курмангалиевы. С точки зрения нынешнего времени, можно сказать, школа кишела отпрысками известных людей.

В третьем жилкомбинате жили поэты Жумагали Саин и Таир Жароков. Ж. Саин был молчаливым, но очень веселым человеком, зато дядя Таир всегда энергичный, веселый, общительный. Он располагал к себе и не считал зазорным остановиться и поговорить с подростком.

Пятый жилкомбинат имел форму буквы П. С Фурманова он сворачивал на Калинина, с Калинина на Панфилова. Там жила моя подруга и одноклассница Тамара Джаркешева. На первом этаже прямо под ними жила танцовщица Шара Жиенкулова и ее сын Булат Джандарбеков. Со стороны казалось, он жил как си-барит, ничто не говорило о том, что впоследствии он окажется автором известных романов «Томирис» и «Саки», которые оставляют его имя в истории казахской литературы. Какое-то время он был женат на Кларе Юсуповой, узбекской балерине, которую привез из Ташкента. Неимоверная красавица, она несколько сезонов протанцевала в нашем оперном театре и внезапно исчезла из виду. Она была великолепной Заремой в «Бахчисарайском фонтане», Одиллией в «Лебедином озере», Китри в «Дон Кихоте». Мы специально ходили на ее спектакли, восторгались ее исполнением и очень сожалели, когда с афиш театра исчезло ее имя.

Еще я упоминала имя Шакена Айманова. Я работала на его фильмах «Земля отцов» и «Ангел в тюбетейке». У ведущих режиссеров, – не знаю, как сейчас, –

на съемке фильма собиралась своя группа: режиссеры, операторы, художники, директорская группа, которые переходили с ним из фильма в фильм. Когда работаешь на съемочной площадке, не видишь, что может получиться из этих съемок, но рабочий процесс захватывает всю группу, каждый считает себя причастным к действию. Вот что значит на деле сила искусства! Ш. Айманов был прост в общении, во время простоя из-за несъемочной погоды собирал вокруг себя группу и затевал какую-нибудь забаву.

Поскольку наша школа располагалась в самом центре улицы Калинина, которая потом стала в народе называться Невским проспектом, затем Бродвеем, нашим учителям приходилось туго: надо было следить, чтобы старшеклассники, в основном ученицы, не «болтались» по проспекту, особенно вечером, не носили фильдеперсовые чулки (что-то среднее между «в резиночку» и капроновыми). Помню, однажды вопреки всему мы с Тamarой Джаркешевой решили пройти эти таинственные два-три квартала вечером и наткнулись на ее старшего брата Зангара. Он взял нас обеих за шиворот и выволок с притягивающего нас квартала, сказав: «Чтобы я больше вас здесь не видел!» Так на корню погибла моя детская любовь, которая бывает к старшим братьям подростку.

* * *

Резонанс от последней публикации для меня оказался неожиданным. Пишу о Сатимжане с марта, но такая реакция впервые. Как теперь писать, наверняка не дотяну до той планки! Как говаривал незабвенной памяти Виктор Степанович Черномырдин, «не промахнуться бы лицом в грязь!» Но у меня есть цель, и времени нет на досужие размышления, надо довести воспоминания до конца.

Я предполагала излагать все о Сатимжане в хронологическом порядке, но боюсь, у меня не получится. «Дикий капитализм», который для многих был временем выживания, сумбур 90-х сказались и на моей памяти.

Что было в девяностых? Главная редакционная коллегия при Союзе писателей, председатель – Мурат Ауэзов. Сатимжан Санбаев – заместитель по творчеству. В это же время участие в движении «Невада – Семипалатинск», возглавляемом Олжасом Сулейменовым. Титаническая работа по подготовке масштабного мероприятия – Международного конгресса избирателей мира против ядерного оружия с участием движения «Врачи мира за мир». Работа Сатимжана вызывала недовольство его коллег за излишнюю требовательность к исполнению обязанностей. Он хотел, чтобы люди работали так же, как он сам. Штаб этого мероприятия находился где-то на 20-х этажах гостиницы «Казахстан», и он буквально дневал и ночевал на работе.

Это мероприятие дало возможность потомкам казахов, которые в 30-х годах целыми родами уходили за границу: в Китай, Монголию, Турцию, приехать в Казахстан. Видимо, ностальгия через поколения передалась этим молодым в основном людям. Ведь это родная земля их отцов, и они с жадностью вглядывались в окружающие реалии. Алма-Ата 90-х порядком отличалась от Стамбула, и тем более от Германии, откуда приехали многие из них. После этого мероприятия Сатимжан несколько раз побывал в Турции, Германии и даже в США.

Четыре года просуществовал Международный фонд «Шелковый путь», который основали Сатимжан и Хамит Санбаевы. Сейчас мало кто знает, что именно эта общественная организация начала распространять в Казахстане изучение

турецкого языка. Из Турции прибывали преподаватели, останавливались у нас в доме, и от нас уже разъезжались по городам назначения: Алма-Ата, Чимкент, Кентау, Туркестан и т. д. Через некоторое время фонду запретили коммерцию, общественной организации не на что стало существовать.

Сатимжан опять остался без работы. Это было время, когда он восстанавливался после аддисоновой болезни. Однажды увидела, как он покупает самые дешевые сигареты без фильтра. И это с его слабыми легкими! Через некоторое время он все же нашел работу – редактором журнала «Саят» при обществе «Рыболовство и охотоведение», успел выпустить один номер, но на этом спонсирование журнала закончилось.

Комитет культуры, который возглавлял Марат Балтабаев, давнишний друг, когда-то основавший при ЖенПИ ансамбль «Айгуль», принял Сатимжана на работу. У него находили приют друзья, в какой-то момент оказавшиеся «за бортом», тем более что все друзья имели отношение к культуре.

Через некоторое время Сатимжан со товарищи решили открыть журнал «Отан». История повторилась, спонсор решил, что одного номера достаточно.

Писал он в это время мало, статьи, очерки и эссе, иногда по своей потребности, а когда и по просьбам знакомых: о Р. Утесинове, И. Каракулове, А. Сарсенбаеве, С. Омарове, Т. Жанузакове, о братьях оружейниках Кульменовых.

А у меня какое-то время был один маршрут: Алма-Ата – Стамбул, Стамбул – Алма-Ата.

* * *

Недавно в Интернете обнаружила информацию, что в войну Алма-Ата была одним из самых криминальных городов, даже криминальной столицей. По рассказам мамы я знала, что самое страшное для того времени было лишиться карточек. Тогда на месяц семья оставалась без пропитания. Мама работала на швейной фабрике технологом швейного производства. Татарка из села Калтай, что под Уфой (была записана башкиркой по месту проживания), она из шестерых сестер единственная закончила рабфак в Уфе, а потом ФЗУ – фабрично-заводское училище – в Куйбышеве и, получив документ технолога швейного производства, по направлению попала в Алма-Ату в 1938 году. Сказали, что казахский язык схож с татарским, ей будет легко адаптироваться. Но, оказалось, легче было освоить русский язык, потому что на фабрике и в коммуналке, где она жила, преобладало русскоязычное окружение. Вышла замуж, а когда подходило время мне появиться на свет, поехала в Уфу за своей мамой, чтобы она помогала ухаживать за мной, ведь в войну, видимо, не было такого понятия, как декретный отпуск. До шести лет я говорила на татарском, который тут же забыла, не успела аника вернуться в Уфу. С 39-го года, когда началась финская война, и до 46-го, когда закончилась японская, мама пропадала на фабрике день и ночь, я не помню ее в детстве. Что было хорошо, легкая промышленность работала на военное обмундирование, мама за хорошую работу получала премии в виде добротных отрезков ткани, которые можно было обменять на еду, необходимые предметы быта.

Раза два на моей памяти нас обкрадывали. Как-то на улице подошла ко мне женщина и спросила: «Ты чья дочь?» Я назвала мамино имя. «Да-да, Соня попросила меня...» Сейчас не вспомню, почему я ее привела домой. Пока аника по

законам гостеприимства готовила ей чай, женщина собрала и вынесла отрезки, что были в шкафу, и все, что ей приглянулось. Больше всего аника расстраивалась из-за своих шальваров, которые она шила сама из тонкой белой ткани.

Семья мамы была бедная, рядом жила семья богачей, и когда к ним приходили гости, мама с сестрами помогали по хозяйству, а в качестве оплаты им разрешали соскребать со дна большого казана остатки еды. Иногда мама зарабатывала тем, что собирала кизяк, полола грядки и выполняла разную другую работу. Платили ей за это копейки. Одна из старших сестер нашла ее тайник, забрала накопленные мамой копейки и сшила себе новое платье. Мама сама мечтала о новом платье, ведь ей приходилось донашивать за старшими сестрами, и она долгое время не могла забыть обиду.

Когда мама подросла, ее отправили в Уфу к старшей сестре – помогать ухаживать за детьми. Муж сестры был каким-то революционным деятелем, имел при себе оружие и, когда напивался, грозил пистолетом жене. Мама улучила момент и спрятала оружие в стоге сена, что был во дворе. После ее рассказа в моей голове никак не укладывалось, как такое могло быть. Ведь я прочитала много книг о революционерах, какие они мужественные, справедливые люди.

Когда мы с Сатимжаном жили в Балхаше, я частенько навещала в букинистический магазин, иногда там встречались интересные книги. В «буке» уборщицей работала женщина, похожая на татарку, и я спросила у нее, откуда она родом. Была у меня такая привычка, все казалось, что найду родственную душу. «Село Калтай, Кушнаринский район, – сказала она, – но нас раскулачили и выслали в Казахстан». – «Вот это совпадение, моя мама тоже оттуда, может, знаете, Фазлыевы, шесть сестер...» «А-а, – пренебрежительно махнула она рукой, – они вечно побирались у нас, за крохи работали». Да, подумала я, черного кобеля не отмоешь добела. Спесь вся при ней. Я рассказала, что мама – технолог швейного производства, вышла замуж за писателя, и у нее три великолепных сына – кандидата наук. Смотрю на нее, думаю, расстроится, зря я это сказала. Но нет, зло зыркнула на меня, насупилась, отвернулась и ушла.

После этой встречи я перестала любопытствовать и задавать подобные вопросы незнакомым женщинам, похожим на татарок.

* * *

Следующий юбилей Сатимжана – 60 лет – прошел малозаметно в холодном, неотопляемом зале Дома кинематографистов. Согрело эту дату только замечательное эссе Дюсенбека Накипова «Белая аруана Сатимжана Санбаева».

«Сатимжан и сегодня спокойно и достойно несет звание писателя. Он знает, что и неизданные книги обладают мистической силой воздействия. Он не нуждается в похвале и снисхождении и не отличим от простых людей, для которых писал и пишет. Думается, что Сатимжан в год своего юбилея воспринимается, словно Белый Нар, гордый и вольный, всегда готовый прийти на помощь людям, защитить священное поле нашей духовности и культуры».

...Облако неудачной попытки баллотироваться в Мажилис долго еще затмевало все позитивное, хотя и его было не так много. Дилогия «Медный колосс» все еще лежала невостребованной в ящике стола. Это было время, когда Сатимжан волей судеб столкнулся со всеми хитросплетениями политических интриг. Дома мы убеждали его, что он остался на стороне лучшей части общества, но он больше

переживал сам факт фиаско, чем то, что не достиг намеченной цели. Он мог бы пройти выборы, если бы отказался от выдвинувшей его партии «Азамат» в пользу партии «Отан», но он на такое не был способен.

В 2000 году ему предложили место главного редактора киностудии «Казахфильм», которая в то время «восставала из пепла». Был принят к производству сценарий фильма Сатимжана «Дом у соленого озера», который был дописан, как часто принято в кино, в соавторстве с режиссерами А. Ашимовым и И. Вовнянко. Мне кажется, они весьма и весьма приземлили его. Сатимжан – романтик, это отмечают все, кто анализирует его творчество. В фильме вся романтика убита. Возможно, я не вполне объективна, но результат налицо.

Через пять лет работы, перенеся инсульт, Сатимжан завершил работу на киностудии. Но...

Мой папа рассказывал, как, выйдя на пенсию, встретил в скверике около кафе «Акку» одного партийного деятеля из высшего эшелона власти: «Он стал пенсионером, а я как был, так и остался писателем», – усмехнулся он.

А сейчас, если позволите, несколько выписанных из разных книг высказываний. Последнее увлечение – читаю, рядом тетрадь, ручка, – выписываю. Какие-то из них останутся в памяти, некоторые покажутся сомнительными, а какие-то не зацепят. И тем не менее, представляю на суд читателей. Мне кажется, они имеют непосредственное отношение к тому, о чем я сейчас пишу.

«Творчество – отдельное измерение, в котором повезло жить немногим».

«Каждый из нас что-нибудь да несет на своих плечах».

«Коварная вещь – культура общения: присутствие ее незаметно, зато отсутствие сразу бросается в глаза».

«Если твоего ухода никто не заметил, значит, ты ушел не зря» (Л. Толстой).

«В жизни есть две трагедии. Первая – не осуществить свою заветную мечту, вторая – осуществить ее» (Б. Шоу).

«Если мудрость к вам не пришла, значит, вы не в ее вкусе».

«Когда уходят герои, на сцену выходят клоуны».

«Говорить о любви, все равно, что танцевать об архитектуре».

* * *

В детстве я была болезненным ребенком, мама говорила, что лет до четырех я переболела всем, чем положено болеть в таком возрасте: коклюш, скарлатина, корь, свинка... Однажды она даже выкрала меня годовалую из совминки, испугавшись, что меня угробят бесконечными уколами. Appetит был плохой, и бабушка звала соседского мальчика Борю Иванова, чтобы он личным примером показывал, как надо кушать. У него это хорошо получалось.

Кухня была одна на три семьи. Однажды я нечаянно засыпала в сахарницу соль, но мы не выбросили эту сладко-соленую смесь, мужественно доели ее, и с каждым досыпанием сахара вкус улучшался.

После того как моя татарская бабушка вернулась к себе домой, в Уфу, у мамы забрали одну из двух комнат и заселили туда новых жильцов. Соседи в освобожденной комнате часто менялись: одни выезжали, другие заселялись. В третьей комнате постоянно жила тетя Зоя Полухова с дочерью Майей, которая была моей наставницей, опекуницей. Со своей подругой Лилей они взяли надо мной шеф-

ство, научили танцевать вальс, слушать пластинки – в основном это были арии из оперетт, вальсы, танго, военные песни. К тете Зое часто приходил ее бывший муж с сыном Вовой от второго брака, которого тут же назначили моим женихом. Они приходили навестить Майю, и тетя Зоя нормально реагировала на это. Можно сказать, высокие отношения. Женихи были повсюду – во дворе, в нашей квартире, когда приходили подруги тети Зои с сыновьями или внуками. Позже я поняла, что эти одинокие женщины, потерявшие на фронте мужей, хотели видеть то, чего не имели сами, какую-то иллюзию любви, семейной жизни.

Вспоминаю, как я поднималась по лестнице на свой третий этаж, а все ступеньки были заняты сидящими на них бездомными людьми. Через два-три дня их не стало, видимо, прогнали по жалобам соседей.

Между первым и вторым жилкомбинатами была детская площадка: разные качели, игры с мячом, скакалки, догонялки. Рядом с площадкой был склад. По квартирам быстро распространялся слух, что будут давать масло, сахар, а со двора из магазина «бажека» продавали муку. Вставать в очередь надо было в пять-шесть утра, не успеешь – выкручивайся, как можешь, то есть надо было вклиниться без очереди, что частенько практиковала мама. Пристроится к какой-нибудь соседке, потом ставит меня. Пока дойдешь до прилавка, а это могло быть три-четыре часа, чего только не наслушаешься! Зато домой мы приходили с добычей.

Подальше во дворе стоял ряд деревянных сараев, где с осени и до весны мы хранили картошку, свеклу, морковь, лук и саксаул. Когда мама зимой вечером посылала меня за овощами, самое страшное было спускаться в темный погреб. Мама рубила саксаул, и как-то я спросила у нее, почему этого не делает папа? «Потому что в его работе главное – руки, он писатель, наш кормилец».

Папа работал до восьми часов вечера, ужинал и ложился часа на два отдохнуть, после чего снова садился за работу, а мама около него что-нибудь шила, штопала, чтобы бодрствовать за компанию. Было забавно, что она – технолог швейного производства – шила неважно: рубашки для моих братьев грешили неровными швами.

Энергии мамы хватало на всё и всех, папа нес идеологическую нагрузку. Однажды он посадил нас за стол и сказал, что бешбармак есть руками некультурно, надо пользоваться вилок. Сначала было очень непривычно.

* * *

В соседнем подъезде жила моя подруга Неля и ее старший брат Марик. Каждый год она приглашала меня, одну из всех девочек со двора, на день рождения, и каждый год я озадачивалась, что подарить? В конце концов опять шла на Зеленый базар. Около входа в инвалидных колясках мужчины, кто без руки, кто без ноги, продавали фотографии из трофейных фильмов или просто большие фотографии в красивых рамках – «Люби меня, как я тебя» и т. п. Я покупала портрет кудрявой красивой девочки с большим бантом, голубьями и всем прочим. Года через два я утомилась от этих девочек и поделилась своей проблемой с соседкой тетей Галей. Она привела меня в свою квартиру, и за полчаса мне собрали подарок: красивую коробку с нитками, иглками, ножницами и даже наперстком. Подарок произвел впечатление, такого набора в магазине не найдешь.

Дети в основном не были мне знакомы, но, видимо, они часто встречались на подобных мероприятиях. Чаепитие проходило весело, к чаю подавались ириски

«Золотой ключик», затевалось соревнование. Дети бросали в горячий чай ириски, потом чайной ложкой надо было зацепить слипшуюся массу и тянуть вверх. Побеждал тот, у кого ирисочная игла получалась самая высокая.

А Марика, брата Нели, мы вспоминаем каждый раз, когда смотрим наши детские фото, которые он снимал несколько лет подряд.

Добрая память!

* * *

Через 20 лет наконец-то увидела свет диалогия «Медный колосс» благодаря содействию Кайрата Кадыржанова, сына одного из персонажей романа. Двухтомник вышел тиражом в 1000 экземпляров, и его выгрузили на нашу лоджию с тем, чтобы мы сами занимались реализацией. Сколько-то удалось отправить в Балхаш, в Атырау, остальное разошлось по рукам. В книжных магазинах, куда мы предлагали книги на продажу, наценка сверху составляла 60 %, что было совершенно неприемлемо.

Презентация романа в Национальной библиотеке прошла достойно, «отметить явление книги миру пришло множество друзей и единомышленников Сатимжана. Во всем чувствовался высокий торжественный настрой, все были по-особому взволнованы...» – писали в газетах. Выступления литераторов были глубоко прочувствованы, хорошо раскрывали тему произведения, хотя для некоторых читателей даже прочтение диалогии казалось нелегким делом.

Вот отрывки из некоторых выступлений:

«Сатимжан мог бы блистательно обойтись жанром рассказа, повести или какой-то другой эстетизированной формы. Но он берется за монументальное полотно и, показывая родную землю, населенную с древнейших времен народом, имеющим свою душу, свою культуру, духовность и волю

к жизни, фокусирует внимание читателя на неосвоенном еще нашими литераторами, очень сложном, отважном и немодном во все времена направлении, которое я назвал бы вхождением в диалог с действительностью» (М. Ауэзов).

«Сатимжан не просто вынул для нас из своего стола давно написанную, залежавшуюся вещь – он предложил нам прочитанное сегодня с точки зрения исторической ретроспективы произведение. Думаю, что и в наше время диалогия будет прочитана как произведение безусловно актуальное...» (В. Бадиков).

2008 год

Думаю, тут к месту будет автограф на книге, подаренной одним из первых авторов, которых редактировал Сатимжан. Слепший после ссылки Хусаинбек Амиров писал произведение при помощи своих детей – дочери 14 лет и девятилетнего сына. Это была первая работа Сатимжана в качестве редактора – повесть «Крылья крепнут в полете».

«Дорогой Сатимжан! Остались позади треволнения и неприятельская засада. Сегодня же радость победы – крылья в полете. Я очень рад предоставленному мне судьбой случаю узнать ближе тебя в боевой обстановке. Как старый коммунист, скажу: такие, как ты, жили в наших мечтах. Как старый комсомолец, скажу: ну и башка же ты, Сатимжан дорогой! 26.12.1969».

Что-что, а насчет башки он не ошибся!

Русская секция Союза писателей Казахстана выдвинула «Медный колосс» на соискание Государственной премии РК в области литературы, но роман не нашел нужной поддержки.

В 2007 году Сатимжан уехал в Мангыстау, в Шетпе, где мы когда-то снимали фильм «Дорога в тысячу верст», а через месяц или два вернулся с рукописью романа совершенно непривычного для него стиля – «Весной нас зачарует голос», который завершил цикл романов «Времена года нашей жизни».

* * *

Первый раз я была в Союзе писателей Казахстана с папой, когда мне было лет семь-восемь. Одноэтажный дом находился где-то на Пролетарской улице недалеко от Зеленого базара. Сначала я ходила на праздничные демонстрации с швейной фабрикой мамы, а потом с Союзом писателей. Помню только одну знакомую девочку – Жанну, дочь Касыма Аманжолова. Позже приходилось встречать ее на улице, но знакомство не продолжилось.

На углу Фурманова и Калинина продавали мороженое, формой похожее на шайбу, с вафлями с двух сторон. Его нужно было быстро облизывать по краям, пока не оставались одни вафли. Напротив продавали газводу. Все было лакомством.

Не знаю насчет арыков, но помню японцев, которые продавали разноцветные бумажные шарики на резинках.

Мы собирали фантики от конфет, которых не ели, особенно ценились немецкие, видимо, привезенные из Германии. Собирали марки, почему-то запомнились марки с изображениями адмиралов: Нахимова, Ушакова. Отыскивали разноцветные стекляшки и собирали калейдоскопы.

В соседней квартире на нашей площадке жили балерина Арновская с дочкой – скрипачкой, другие соседки, имевшие отношение к оперному театру, и у нас с мамой всегда были контрамарки. В ТЮЗ – театр юного зрителя я ходила с подругами или сама, не пропуская ни одной новой постановки.

Рядом с театром находился кинотеатр ТЮЗ, а квартала на два выше улицы Калинина был кинотеатр трофейного фильма – деревянный сарай с деревянными лавочками, который привлекал волшебной магией совершенно не похожих на советские фильмов. Там я впервые увидела Дину Дурбин в фильмах «Сестра его дворецкого», «Первый бал», Марику Рёкк в «Девушке моей мечты», Вивьен Ли, Роберта Тейлора, Лоуренса Оливье в «Леди Гамильтон», «Мост Ватерлоо», Милицу Корьюс в «Большом вальсе».

Фильмы в городе шли сразу во всех кинотеатрах по неделе, с понедельника по воскресенье. Однако в отдаленных от центра кинотеатрах можно было повторно посмотреть понравившийся фильм, и мы с этой целью иногда обходили весь город.

Было лето, когда на экраны вышел фильм «Убийство на улице Данте» с молодыми дебютантами – красавцами М. Казаковым и В. Гафтом. Снял фильм режиссер М. Ромм, лауреат пяти Сталинских премий. Украшал картину звездный состав актеров, в небольшой роли снялся даже Смоктуновский. Потом наступило время аргентинской актрисы Лолиты Торрес с фильмом «Возраст любви».

Помню, как впервые дали горячую воду, провели телефон. Первые телевизоры были редкостью. У одной старшеклассницы появился телевизор, и по вечерам к ним домой набивался рой желающих посмотреть кино, открывались входные двери, чтобы стоящие на улице могли хоть краем глаза увидеть передачу.

В другом дворе на подоконник второго этажа выставляли патефон, и устраивались танцы: танго, фокстрот, вальс.

Книги читали все повально, передавали из рук в руки, сегодня взял – завтра передал следующему. Читать я начала с детсада. Воспитательница оставляла меня за старшую и уходила по своим делам, а я читала группе сказки, рассказы. В школе с первого класса получала замечания: держит под партой художественную литературу. Когда мама обратила внимание, что я слишком увлеклась чтением, она стала строже относиться к моему выбору книг, пугала, что я стану такой же, как Улан (дальний родственник папы), то есть сумасшедшей. В доме становилось все больше книг, я читала все подряд. Почему под строгий мамин запрет попал роман Жорж Санд «Консуэло», так и не поняла. Видимо, она что-то перепутала – более целомудренной книги не найти. Но я все равно прочитала ее, хоть и под одеялом.

Однажды по дороге из школы домой на книжном лотке увидела книгу – пьесы испанских драматургов: Карло Гоцци, Лопе де Вега, Карло Гольдони. Это был неожиданный подарок судьбы, таких книг в Алма-Ате в продаже не было, я впервые узнала об этих авторах.

Мое увлечение чтением доходило до абсурда. Я вознамерилась приобщить к классике младших братьев. На тот момент любимой поэмой была «Мцыри» Лермонтова, которую я знала наизусть. Лет десять тому назад мой брат Керей вспоминал, как я заставляла учить его «Мцыри» посредством подзатыльников.

Видимо, педагог из меня никакой.

* * *

Разброс знакомцев, друзей Сатимжана был широк: художники, писатели, спортсмены. Его тянуло к художникам, их, по-видимому, тоже, возможно, его понимание живописи было более глубоким, чем, например, музыки, которую он использовал как аккомпанемент во время работы над своими вещами. Она создавала настроение, задавала темп, тонус в работе. Музыкальный фон менялся с переходом к новой работе от простых песен до классики, казахских кюев.

Но настоящими друзьями на всю жизнь (без пафоса) были те, с кем мы познакомились в тогдашнем доме Мурата Ауэзова на Обручева, 7. Скажу, как я это вижу: с Булатом Каракуловым мы учились в одном классе в одной школе, с Зифой

Тажибаевой, его женой, знакомы с детства, а одно лето прожили вместе на даче в доме отдыха. Болатхана Тайжанова знаю с тех пор, как однажды он приходил к нам на Фурманова, чтобы перевести с арабского языка одно слово из «Слов назидания» Абая. Тимур Сулейменов, Мурат Гильманов, Гадильбек Шалахметов, Марат Сембин тоже входили в это содружество (раньше можно было назвать компанией, но, думаю, содружество гораздо вернее обозначает наши отношения). Двое маленьких погодков не давали много свободного времени, и я некоторые моменты не помню, например, когда и как влились в наши ряды Калжан Айтбаев и Макум Кисамединов. Тех, кто учился в Москве, сплотил, конечно же, «Жас тулпар» – студенческое движение, которое расценили как националистическое со всеми вытекающими последствиями.

С Муратом я познакомилась раньше Сатимжана. Однажды в Москве мои одноклассники, которые учились в разных вузах, пригласили меня в общежитие Литературного института встречать Новый год и отмечать день рождения Мурата Ауэзова. О Мурате я слышала, но познакомилась только в тот день. Празднование проходило в комнате Булата Габитова, брата Мурата. Кажется, там был еще Мереке Майлин. Почти все присутствующие были мне незнакомы. Мои одноклассники быстро пришли в состояние некондиции, я осталась как бы одна и хотела уехать, но метро уже не работало, и я нашла приют, то есть свободную койку, у девочек из общежития. Утром, когда я пришла в ту комнату, где мы справляли Новый год, за одеждой, обнаружила всю компанию за столом. Все с вниманием и интересом слушали одного из студентов, который звучным голосом читал стихи. Спустя некоторое время я поняла, что среди них были и свои поэты. Так я впервые увидела и услышала Олжаса Сулейменова. Через много лет от Мурата узнала, что пока я мирно спала, в общежитии произошла драка, которая имела для всех участников неприятные последствия. А через несколько месяцев увидела свет поэма Олжаса «Земля, поклонись человеку».

С Муратом мы вновь встретились в СП Казахстана, когда я пришла к Сатимжану и увидела их вместе. Прошло около полувека, а нашей дружбе нет конца. Мы в курсе всех событий, что происходят с каждым из нас, часто встречаемся по разным поводам. Наши потери невосполнимы, но память наша вечна, и мы передаем ее по наследству нашим детям: Шалахметовы Салтанат и Асель, Каракуловы Амир и Манас, Сулейменовы Сауле и Тамерлан, Ауэзова Зифа-Алуа, Тайжанова Умит, Сембина Джамиля (пишу о тех, кого знаю с детства), Санбаевы Гуля, Галым и Алуа, внуки Сатимжана Алишер и Дален. Они знакомы между собой и с уважением относятся к нашей дружбе, думаю, они достойные дети своих родителей.

К 70-летию Сатимжана вышло шеститомное издание избранных произведений, но это отдельная история.

* * *

Как-то Сатимжану позвонила женщина, представилась главным редактором нового издательства и предложила выпустить какое-нибудь из его произведений. Через год у Сатимжана намечался юбилей – 70-летие, и он сказал, что неплохо бы издать его избранное. Согласие было дано, и началась работа. Сатимжану попался хороший редактор, он перечитывал заново все, что должно было войти в шеститомник, вносил изменения, исправления, которые предлагала редактор, если считал их необходимыми.

Мне приходилось сталкиваться с авторами, которые не хотели менять ни слова, ни буквы, не принимали ни одного замечания в своем тексте, самоуверенность зашкаливала. Сатимжан, напротив, выслушивал мнения каждого, кому доверял прочтение своей рукописи, не от того, что был в чем-то неуверен, таким образом он вовлекал в свою орбиту людей, интересующихся его творчеством. В последний раз он дал почитать только начатый роман человеку, не очень увлекающемуся литературой, который взмолился: «Света, что я могу советовать, я не разбираюсь в этом», но тем не менее изложил свое мнение на бумаге, и я поняла, что он был совершенно прав.

Когда до юбилея оставалось месяца два, после бесконечных уверений в том, что вот-вот книги выйдут, выяснилось, что издательство приказало долго жить, и мы остались без новых книг. Только благодаря моему брату Жанаю Омарову, который взялся за безнадежное, казалось бы, дело, шеститомник буквально за месяц-полтора увидел свет.

70-летие Сатимжана прошло замечательно. Не хвастаюсь, но должна сказать, что проведением юбилея целиком и полностью мы обязаны моим братьям.

Просматриваю фотографии того вечера: Сатимжан выглядит на них спокойным, довольным всем происходящим юбиляром. А на столе перед ним стопкой водружён шеститомник из его избранных произведений.

* * *

1967 год, Шевченко.

Единственное, что помогало отвести душу в этом странном городе, – Каспийское море, которое находилось в нескольких кварталах от школы, где я набирала массовку для фильма. Правда, пляж, если это можно было так назвать, не давал возможности насладиться пребыванием на берегу. Галька, крупные камешки, редкими местами песок, но даже и тот – не тот. Одна радость – улечься на огромный валун и загорать. Вода – и та была холодная.

На подходе к берегу справа строился дом, скорее всего жилой. Если успеваю до работы сходить ополоснуться, со всех этажей этого недостроя раздаются зазывные крики – здороваются, знакомятся, заигрывают, остальное уже неразборчиво, потому что прибавляю шаг, спешу быстрее пробежать мимо.

Однажды проснулась раньше обычного, чтобы подольше понежиться под утренним солнцем. Строящийся дом был безмолвен. Но ближе к берегу я услышала какие-то странные звуки, будто стучат железом по асфальту, что-то волокут, сопровождался этот шум жутким лаем собак. Вдруг из-за поворота, по дороге, идущей вдоль берега к этому недострою, потянулась колонна людей, одетых в странные отрепья. С обеих сторон колонну сопровождали солдаты со свирепыми собаками. Казалось, псы сейчас сорвутся с цепи и набросятся на людей, которые еле волокут ноги. Присмотревшись, увидела: их ноги закованы цепями.

Детская игра «кандалы, закованы, раскуйте нас...» и еще «Русские женщины» Некрасова о декабристках, там тоже упоминаются цепи и кандалы, – вот и все мои представления об этих «аксессуарх» неволи. И вот все это становится явью... А как весело они кричали из окон и балконов дома!.. Понимаю, что эти люди наверняка заслужили такую долю, но все равно долго не могу отойти от этого зрелища, несколько дней не хожу на берег – единственное развлечение в этом новообразованном городе...

Еще одно воспоминание того года. Рабочее название фильма «Интернациональный отряд». Ассистент Виктор Шевцов искал актеров на роли иностранцев по всему Союзу. В Ленинграде нашел трех актеров театра Ленинского комсомола, привез трех актеров рижских театров, хотел было привлечь двух студентов-венгров Киевского университета, которые уже прошли у нас пробы, но им не разрешили покидать альма-матер на расстояние большее, чем 50 километров. Сам нашелся немец Николаус Бауман, человек со сложной судьбой, но очень добрый и заботливый. Он сразу же взял Сатимжана под свою опеку, старался облегчить ему нахождение в далеко не комфортных условиях.

Но Сатимжан не вписывался ни в одну группу актеров, а я вообще была как бельмо на глазу. Костюмерша, реквизиторша, монтажница – весь женский пол группы. Работа работой, но досуг разделить было не с кем. Тут еще сыграло роль задание, данное мне: опекать во всем главного героя. Все это способствовало нашему сближению.

Однажды вечером, когда спала жара, мы с Сатимжаном вышли на улицу продышаться. Странная картина привлекла наше внимание: по тротуару вышагивал мужчина то в одну, то в другую сторону. По проезжей части дороги вслед за ним медленно двигалась черная «Волга», туда-обратно.

Не помню, каким образом, но они с Сатимжаном разговорились. Для начала, кажется, что-то вроде: есть ли закурить? Было понятно, человеку нехорошо, даже плохо. Он пригласил нас к себе домой на чай, который пришлось готовить мне. Причина такого состояния этого человека, скорее всего конструктора в области ракетостроения, оказалась в том, что провалился запуск ракеты: она взорвалась, уже взлетев или еще не взлетев, не знаю. Естественно, что в такие минуты оставаться одному тяжело, мы вовремя подвернулись, чтобы хоть как-то скрасить испорченное настроение от крупной неудачи в государственного масштаба деле.

Позже выяснилось, что этот человек – сын директора моей школы. Чтобы немного разбавить тягостную атмосферу, я рассказала историю о том, как директор отчислил меня из школы. Раз в неделю у нас был день рабочей практики, который мы проходили на одном из заводов. Выстроившись в шеренгу на проезжей части улицы, мы, весело болтая, спускались по узкой улочке к заводу. Я шла с краю с книгой в руке и не поняла, что мне что-то говорят подруги. Оказалось, мы загродили дорогу машине, которая бешено сигналила мне, потому что я ничего не слышала и не давала машине дорогу. Машину вел сам директор нашей школы. На следующий день вышел приказ исключить меня из школы за нарушение правил уличного движения. Моя история осталась без внимания, мне включили приемник с какой-то музыкой, и я в другой комнате заснула на диване.

Рано утром, проснувшись, я увидела, что беседа двух мужчин продолжалась всю ночь, мы еле успели к началу съемки.

... Удивительно, до чего полярны персонажи этих историй – историй, которые не забылись до сих пор.

* * *

На мероприятии, посвящённом Рахмету Утесинову, Сатимжан познакомился с земляком Нурбергенем Балгимбаевым и обмолвился, что ему пошло бы на пользу провести какое-то время в Крыму, где ему удачно сделали операцию, благодаря которой, как он считал, ему удалось прожить столько времени. Когда мы только

поженились, Сатимжан сказал, что ему осталось жить пять, максимум десять лет. Слава Богу, обошлось, он прожил гораздо дольше, чем предполагал, но возможность рецидива всю жизнь висела над нами, как дамоклов меч. В окружении людей он был интересным, привлекающим внимание, веселым собеседником, но зачастую порог дома переступал уставший, обессиленный, не вполне здоровый человек.

Конечно, поездка в Крым была утопией, неосуществимой мечтой. Но, благодаря Нурбергену, который посоветовал Сатимжану написать несколько писем в различные нефтяные компании с просьбой помочь с лечением, невозможное случилось.

В Крым мы поехали вдвоем, по его выбору поселились в санатории «Симеиз», что на южном берегу Крыма. Лечение было не очень, несколько медицинских кабинетов, несколько процедур. После обеда ходили «докушивать» в кафе, разные забегаловки. Сам Крым производил впечатление заброшенного, когда-то очень даже приличного курорта. Но экскурсии были интересными: Бахчисарай, Воронцовский дворец, Ливадийский дворец, где проходила конференция лидеров Большой тройки, Генуэзская крепость в городе Судак. «Фонтан любви» в Бахчисарае не произвел впечатления – невзрачное строение.

В Симеизе Сатимжан долго искал здание санатория или больницы, где ему делала операцию хирург, молодая женщина Нонна Николаевна. Он называл ее своей спасительницей, сокрушался, что не искал ее раньше.

Первого мая, в день поминовения усопших, мы, по совету знающих, прихватив с собой водку и закуску, нашли Нонну Николаевну на местном кладбище. Оказалось, у нее была тяжелая судьба, она рано покинула этот мир.

По несчастью или к счастью, истина проста:
Никогда не возвращайтесь в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне...

Г. Шпаликов

* * *

В 2012 году Сатимжан объездил районы Атырауской области в поисках материалов о Макаше Бекмухамедове, успел начерно написать страниц шестьдесят между госпитализациями в разных больницах, однодневными съемками в фильме у режиссера Серика Апрымова, на которые отправился с ходунками (его буквально «погрузили» в киностудийный рафик).

Как-то в 2013 году ему позвонили с телестудии с предложением сняться в каком-то сериале. Он ответил, если роль «сидячая», то он согласен. Больше он ничего не успел написать и не снялся ни в кино, ни в сериале.

